

- у мові творів М. Чернявського. *Південний архів*. Філологічні науки : зб. наук. праць. Вип. XLIII. Херсон : Вид-во ХДУ, 2008. С. 70–74.
3. Демешко І. Девербативи в прозі В. Винниченка : словотвірно-морфонологічний аспект. *Лінгвостилістичні студії* : наук. журн. Луцьк : Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки, 2015. Вип. 3. С. 70–78.
 4. Дудик П. С. Стилїстика української мови. Київ : Вид. центр «Академія», 2005.

Демиденко Л.П.

*старший преподаватель кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины*

СЛОВОТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ-МОЛОДНЯКОВЦЕВ: ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

***Анотація.** Статтю присвячено аналізу одного з найбільш відомих літературних об'єднань ХХ століття «Маладняк». В цій статті робиться спроба проаналізувати творчість поетів-молодняковців і на прикладі всього двох образотворчих засобів (це індивідуально-авторські слова і прикметники-кolorативи) показати всю оригінальність і неповторність їх поезії.*

***Ключові слова:** словотворчість, поети-молодняківці, індивідуально-авторські слова, прикметники-кolorативи*

***Demidenko L.P. Word-Creation of Young Poets: Poetic Features.** The article is devoted to the analysis of one of the most famous literary associations of the 20th century «Maladnyak». This article makes an attempt to analyze the work of young poets and, using the example of only two pictorial means (these are individual author's words and adjectives-coloratives), show all the originality and uniqueness of their poetry.*

***Key words:** word-creation, young poets, individual-author's words, adjectives-coloratives*

Деятельность литературного объединения «Маладняк» – яркое свидетельство мощного влияния идей, принесённых революцией, на развитие национальных литератур, яркий показатель масштабов, приданных

народному искусству великой революцией. С «Маладняком» связан массовый приток талантливой молодежи в белорусскую литературу. Это было массовое литературное объединение. Он прошел сложный, порой противоречивый путь: от кружка из шести человек до Всебелорусского объединения поэтов и писателей «Маладняк», которое в 1925 году насчитывало более 300 человек.

«Маладняк» имел свои отделения практически во всех крупных населенных пунктах республики (Борисов, Бобруйск, Витебск, Гомель, Климовичи, Могилев, Минск, Мстиславль, Мозырь, Орша, Полоцк, Слуцк), а также за рубежом (Ленинград, Москва, Рига, Смоленск, Прага).

В каждом филиале были студии во всех учебных и учебных заведениях, которые в свою очередь были разделены на кружки, в которых начинающие авторы осваивали грамоту. «Маладняк» – массовая организация молодых литературных сил Беларуси.

Искусство молодых поэтов с самого начала было новаторским. Поэтический стиль многих поэтов-молодняковцев характеризует отрыв слова от его предметной сущности, так называемую деморализацию слова, превращение его во внешне красивый звуковой комплекс, лишённый реального смысла и значения, превращение образа в чисто условную, бессмысленную словесную формулу.

Такая же однородность приёмов поэтической выразительности, бедность образных средств соответствовали ограниченности мировоззрения, тематической узости, однообразию настроения. Перечитывая некоторые сборники двадцатых годов, приходишь к выводу, насколько бедна была художественная палитра молодых авторов, насколько они были в плену своеобразной литературной печати «Молодняка». Бесконечное повторение одних и тех же на вид красивых, стереотипных условно-поэтических формул, скудная и трафаретная лексика, однообразный ритмико-интонационный стиль – все это сильно обесценило общую ценность произведений молодняковцев, сделало до неузнаваемости похожими поэтов разного характера.

Безудержная субъективность, восхищение чисто эмоциональным звучанием слова, метафорической, ограниченной, обеднённой лексикой привели к стилистической расплывчатости, трафарету. В поэзии преобладали похожие образы и цвета: “прамоўцы- крэмень юнакі”, “словы, бы сталь рэжуць паветра”, “вочы гараць незвычайным агнём”, “нервова хвалююцца грудзі”. Героинь точно наделили красивыми эпитетами: “дзяўчына-красуня”, “красуня-Гануля”. Использование «дублирования» слов, частое употребление эмоционально-оценочных эпитетов стало

обычным явлением: спевы-гуды”, “спеў-шум”, “спеў-радасць”, “вусны-вішні”, “вусны-макі”, “вочкі-незабудкі”, “рукі-суччы”.

В данной статье делается попытка проанализировать творчество поэтов-молодняковцев и на примере всего двух изобразительных средств (это индивидуально-авторские слова и прилагательные-колоративы) показать всю оригинальность и неповторимость их поэзии.

Начало поэтического творчества поэтов относится к тому времени, когда белорусский литературный язык достиг определённого уровня грамматической нормализации и стилистического развития. Язык их стихотворений, как правило, соответствовал национальному лексическому фонду литературного языка 1920-х годов и грамматическим нормам, выкристаллизовавшимся в «Белорусской грамматике» Тарашкевича. Природа языковых и изобразительных средств обусловлена романтическим выражением чувств, подчёркнутым метафорическим выражением, созданием новых неожиданных контекстов.

Конечно, каждый писатель или поэт имеет право на свой стиль, на свой подход к выбору языка. Автор сам выбирает манеру письма, которая отличает его от других мастеров слова, определяет самобытность его собственного почерка. Но для этого нужны разнообразные функциональные и стилистические средства.

Отдельное словообразование всегда было важным фактором восполнения не только языка, но и всей материальной и духовной культуры. Бытует мнение, что создание новых знаков, новых единиц языка – это коллективный процесс, что только весь народ может быть предметом словообразования. С этим невозможно согласиться. Всегда будет кто-то первым. Кто произносит слово, а затем оно уже распространяется или погибает. Другое дело, что раньше, когда не было грамотности, отследить этот процесс не удавалось. Песня и сказка переходили из уст в уста. С появлением грамотности пришли отдельные авторы.

Как известно, родоначальником авторского словообразования в белорусской литературе является Янка Купала. Его руке принадлежат такие новообразования, как: вечнабыт, небазор, песнярыста, чужыншчына, расстайны, цямырчны, абнядолиць, аквеццць, ацямырць, з’ярміць і іншыя.

Свежесть, новизна, оригинальность, выразительность авторских новообразований неразрывно связаны в контексте общеизвестных слов в единое живое, органически целостное и образуют лексический пласт Купалы. Большинство его новообразований были созданы им не как сознательное нарушение слова в выразительных целях, а как языковой эксперимент, поиск слов для точного выражения мыслей в отсутствие

твёрдых лексических норм. Купала внёс в родную литературу массу новых тем, идей и вопросов в то время, когда нормы белорусской литературы только формировались. Перед поэтом стояла задача не только лучшего, но и того, как сказать, чтобы донести до людей всю глубину соответствующего содержания. Народному певцу предстояло, в том числе, решить проблему обогащения, совершенствования изобразительных средств литературного языка. Работа Янки Купалы стала своеобразной лабораторией по отбору и обработке языкового материала, взятого из народного языка.

Чрезвычайно активный процесс создания новых слов был подхвачен в 20-е годы поэтами-молодняковцами. В литературном небе засияли такие поэтические звезды, как Владимир Дубовка, Михась Чарот, Тодар Кляшторный, Язеп Пуша, Андрей Александрович, Павлюк Трус, Аркадий Моркавка и другие. Их работы отличались новизной, активным поиском самого яркого «нестандартного» слова, смелостью применять его. В 20-х гг. В. Дубовка создаёт ряд новых лексических единиц. Из новообразований самый «счастливый» глагол «адлюстроўваць», который вскоре занял место в словаре. К другим окказионализмам можно отнести следующие:

В. Дубовка:

цвятлівіць ‘упрыгожваць, асвятляць’:

Соўкала човен нямое прадонне, Месяц і сонца *цвятлівілі* шлях [1, с. 22];

сітаваць ‘напаўняць’: А песня расла *сітавала* душу [1, с. 33];

іглініць ‘афарбоўваць’: Раскалыхалася мора ў запале, пенаю плача *іглініць* пырскі [1, с. 26];

распаветрыцца ‘апусціцца’: І ўзвее яна і пасцелецца, *распаветрыцца* на берагі [1, с. 9];

распарасоніцца ‘разліцца’: Раскалыхайся, сіняе мора, *Распарасонься*, вада-ваданіца [1, с. 26];

імклівіць ‘падганяць’: У прасцяг празрыста-нязнаных, Думка *імклівіць* несупынны лёт [1, с. 61].

П. Трус:

крышталіць ‘ззяць, блішчаць’: Сыплюцца каплі вады І *крышталяцца* з возеры сінім [2, с. 61];

вішнёвіць ‘палымнець, узбуджаць’: А ў грудзях сярмяжных Ой *вішнёвіць* жар [2, с. 14];

адкаваліваць ‘адразаць’: *Адкаваліваюць* скібы Коні гакамі падкоў [2, с. 12].

Я. Пушча:

лявоніць ‘скакаць, хавацца’: Беланогі расчухраны месяц *Лявоніць* у лісці кляновым [3, с. 129];

аўсяніць ‘напаўняць водарам, хмяліць’: Вецер пад гаем Песнямі поўдзень аўсяніць [3, с. 73];

капыціць ‘таптаць’: А коней капыты *капыцяць* рунь, Вярнулася дзікунская пара [3, с. 82];

цымбаліць ‘іграць, спяваць’: Ужо гэтакі поўдзень будзе У сэрцы маім маладым, У ім песні *базыраць* буяна І на новыя хочуць цымбаліць лады [3, с. 73].

Т. Кляшторный:

гусярыць ‘звінець, граць’: *Гусярылі* светлыя далі На струнах лясных салаўёў [4, с. 104];

надынаміціць ‘узарваць’: Эй, хто там, Хто там невядома, *Надынаміціў* дзікі стогн [4, с. 83].

Становятся очевидными поиски и находки поэтов из «Маладняка», которые были необычные по своему построению и не соответствующие нормативным, но чрезвычайно эмоциональные, образно раскрывающие идею художника. Нельзя не согласиться со словами В. Хлебникова, отметившего, что «словообразование не нарушает законов языка ... Если современный человек населяет бедные воды рек с облаками рыб, то язычество даёт право обитать жизнь, вымершие или несуществующие слова, обедневшие волны языка. Мы верим, что они снова будут играть с жизнью, как в первые дни творения» [5, с. 423].

Особенности видения поэтом окружающего мира, особенности его восприятия мира в определённой степени отражают колоративы и их художественные возможности. А колоритность и естественность языка произведений того или иного автора зависят от того, насколько органично окрашенные имена входят в арсенал стилистических средств. Кроме того, использованные поэтами колоративы уместно придают произведению не только своеобразный тон и образность, но и определённые смысловые и оценочные нюансы. Подтверждением этому служит творчество молодняковцев, поэзия которых поражает своей романтической возвышенностью.

Как известно, выбор поэтом приоритетных красок обычно обусловлен эстетическим вкусом автора, его психологическим настроем, своеобразием поэтического мировоззрения. Цветовая палитра также определяется авторским замыслом, идейной направленностью произведения, его содержанием.

Согласно проанализированному материалу, в произведениях молодых поэтов используются колоративные прилагательные трёх групп: прилагательные, обозначающие ахроматический светлый цвет, прилагательные, используемые для названия ахроматического тёмного цвета, прилагательные, обозначающие хроматически окрашенный цвет.

Многообразие красок, наличие колоративов хроматической и ахроматической групп по-разному представлено в поэзии «Маладняка» по списку имён и их частотности, количеству их употребления. Это говорит о том, что поэты того времени не были равнодушны к своему творчеству и плодотворно выполняли его. Использование прилагательных колоративов помогло повлиять на читателя со всех сторон, как психологически, так и физиологически. Некоторые авторы предпочитают прилагательные светлого цвета. При этом окраска белого цвета приобретает особое расширение – *bha* – ‘свяціць, блішчаць, ззяць’, к которому добавлен суффикс –*l*-. Указанное прилагательное этимологически связано с рядом индоевропейских слов: лит. *Белы* – колер шчырасці і чысціні, спакою і ціхамірнасці, лёгкасці і святла [6, с. 182].

У поэтов этот цвет обозначает цвет бумаги, сыра, цветов, мха, берёзы, креста, дворца и особенно часто снега. Он характеризует белые руки, грудь, белый день, белый свет, белую росу, белого ангела. В поэтических произведениях можно встретить употребление прилагательного *белый* в буквальном смысле:

Там дзяўчына вымывала сваё *бела лічыка* [1, с. 12];

Белья ветразі ў памяці таюць, Тухнуць дзіцячыя зоркі [7 с. 51];

Трапечуць вуліцы, бы столькі *Палоцен белых* на гумне [7, с. 27], так і пераносным:

Свет белы расцяты, Я – кропка на ім [1, с. 21];

Знойдзеш тое ў *белым свеце*, што пры мачысе не мела [1, с. 12].

В художественных описаниях действительности молодые поэты часто используют прилагательные *ясный*, *светлый*, *снежный* и *серебряный* для обозначения светлого цвета. Особенно часто встречается прилагательное *серебро*, которое всегда несёт дополнительную оценку:

Срэбнай казкай сад у снежні стыне, Дрэвы шэпчуць у глыбокім сне [7, с. 38];

І сімвал маёй Беларусі – Задуманы *сярэбраны бусел* На куп’і гадзінамі стыне [6, с. 42];

Патапталі мы многа дарог На галовах *сярэбраны пыл* [7 с. 67];

Чаўнок, забыты на вадзе, Тане ў *сярэбраным тумане* [7, с. 73];

Словы радаснае песні, Салаўіны *срэбны свіст* [7, с. 77];

І пялёсткі ў просіні зорнай *Срэбным снегам* на дрэвах гараць [7, с. 83];
Рокат рэха ў звонкім лесе І кудлаты *срэбны пыл* [3, с. 88];
У прасторы зоры лушчаць *Сузор'яў срэбных* пльнь [3, с. 49].

Поэты обращаются к упомянутым колоративам при создании характеристики персонажей, создании фона пейзажей. В последнем случае эти цвета могут входить в лексическую совместимость с другими колоративами, образуя прилагательные-композицы:

Цвет, як даль, *блакітна-ясны*, Нашай долі светлы дзень [3, с. 89];
Туман бялява-малады Расу збірае ў Беларусь [3, с. 22].

Тёмные и светлые силы – вечныя спутнікі. И много тёмных сил. И это рождает боль. Делает жизнь трагичной. Такими обстоятельствами, на наш взгляд, можно объяснить широкое использование прилагательных, обозначающих тёмный цвет. Среди подобных колоративов выделяется прилагательное *черный*. Черный – это цвет ночи, тьмы, могил и цвет дождевых облаков, плодородной земли. Черный – символ страданий и болезней, смерти, а значит зла, несчастья. Черный всегда прячет все, что носит, а это значит, что он «таинственный». Он ассоциируется с любопытством, манит и пугает:

Не спаткаць нам *тугі* нідзе, *Чорнай*, хмарнай, не спаткаць вякі [7, с. 34];

Не, немагчыма пакутваць так далей, жыць у *няўпэўненасці чорнай* [7, с. 57];

Каб і *подых чорны* гора З твару знік [1, с. 68];

Сніў, пэўна, *высвісты чорныя* У доўгім, як ніці дажджы [7, с. 86];

Буры *чорных акіянаў*, Лічбы зор і кроплі рос [7, с. 76];

Заходзіў шлях да мэты ў самай *чорнай* ночы [1, с. 83];

Народы нашы *чорныя* долі здзек атрэслі, І больш гісторыя кайданаў не пачэпіць [6, с. 116];

Вось іду У палях віецца *чорная дарога* [3, с. 131].

Как видно из приведённых выше примеров, использование чёрного цвета в таких контекстах не случайно, оно ассоциируется с чем-то негативным, с горем, неприятностями. Кроме того, употребление прилагательного *чёрный* продиктовано другой задачей: показать, что «земля – не толькі ўлонне, на якім прарастае коласам зерне, але і магільны дол» [8, с. 179].

Среди прилагательных, используемых для обозначения хроматически окрашенного цвета, в произведениях молодых поэтов чаще всего используются красный, зелёный, жёлтый, синий и голубой цвета.

Прилагательное красный значительно выделяется по количеству в хроматической группе. Красный – цвет крови, огня, символ любви, красоты, энергии. В истории – символ революции, социализма:

Зямлю цалуе неба сінь Сваім чырвоным сонцатварам [9, с. 46];

Закрасуюць з-пад снегу чырвоныя кветкі [9, с. 58];

Ваяк чырвоны, ведай ты, – Яшчэ не кідай стрэльбу з рук [9; с. 68];

Слухай, Май! Вясны ты любоўнік, Той вясны, што з чырвонай травы [9, с. 84].

Рядом с прилагательным «чырвоны» широко используется в стихах поэтов и прилагательное «кывавы»:

Кывавай працы шчодры дар Не пойдзе на падаткі [9, с. 28];

Куды ні йдзі – кывавы след, - Народ будзе новы свет [9, с. 19];

Яркім кывавым рубінам нянавісьць гарыць Ныне і прысна й на векі [7, с. 62];

Знаюць, што ворагу полі Кветкі кывавыя садзяць [7, с. 52].

Прилагательное зеленый также занимает значительное место в творчестве поэтов. Это цвет зеленых растений, без которых невозможна жизнь. Именно зелёный цвет усиливается тематикой поэтических произведений поэтов. Это тема природы, жизни человека в единстве с природой:

Дзе меж зялёных паясама Спавіты вузкі мой загон [9 с. 45];

Маладняк зялёны бач, кудравіць [9, с. 23];

Вачыма б вымераць зялёных сноў струну [7, с. 13];

А ў зялёным барваванні Буйным цветам разаўеца [3, с. 56].

Синий цвет был особенно распространен среди молодых авторов. Критики 20-х годов иронично отзывались об этом «синем». В частности, Т. Глуботский писал в одной из статей:

“Цяпер у некаторых рэдацыях можна пачуць такія гутаркі:

– Верш прынёс...

А сінь у ім ёсць? Ды разы два...

– Не пойдзе...

Поэты «Маладняка» придавали синему цвету особое значение, он был для них синонимом прекрасного, благородного. Это символ недостижимой, несуществующей, иллюзорной жизни:

Выйду ў вечар, вечар сіні, - Вее багавінне! [2, с. 8];

У сініх лясах Матэлькі сінія, Сіні чабор [7, с. 72];

Лётае кветка – Сіні матэль... Сінія крылы У кроплях расы [2, с. 101];

На снегавыя клёны журбою сочацца ўсмешкі сініх зор [2, с. 70];

Яе хада- палёт каметы Па сінім мошасце зарніц [4, с. 87];

А мой падарунак панік галавой Усніў скрозь турэмную распач Аб сінім прыволлі [4, с. 110].

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в стихах молодняковцев рядом с традиционными в поэзии фразами «синий вечер», «голубая река», «голубые просторы», «голубой лес» встречаются и такие удивительные своей неестественностью выражения, например, голубые звезды, голубой холмик, голубой бугорок, голубая жизнь, синие крылья и т.д.

В группе хроматических цветов рядом с неиспользуемым прилагательным жёлтый фиксируются прилагательные золотой и золотистый, которые, по нашему мнению, занимают второе место после прилагательного синий:

Залатая асенняя *раница*, Прытулі, прыхіні і згадай гэты дзень залаты, што над пушчай згалелымі пожнямі рассыпаў залатыя лісты [1, с. 9];

Час брыльянцісты, *залацісты* нястрымна імкнецца ўдаль [1, с. 16];

Верас сплёў *залатыя вянкi*; Нашых дзён *залатая вясна*... Нашых дзён *залаты пераліў* [7, с.14];

Залатыя снапы Залатое вязьмо Апавітыя сонцам усмешкі [4, с. 44];

Тады *залацістае лісце* Цвіло ў пералівах зары [4, с. 104];

Колькі яблыкаў восень ружовая, *Залацістая восень* развесіла [4, с. 108].

Обычно эти прилагательные используются с дополнительным коннотативным значением в метафорических комбинациях.

Цветовая палитра в языке произведений юных поэтов довольно разнообразна. Поэты стремились вызывать визуальные ассоциации, опираясь на смысловые и экспрессивно-стилистические качества слов и, прежде всего, на свойства прилагательных цветовых обозначений. Умело используя прилагательные-колоративы в своих произведениях, поэты достигли точности и яркости описания.

Таким образом, можно сказать, что «Маладняк» знал взлёты и падения, имел свои выигрыши и потери, был в смятении, поисках, открытиях. Не все произведения «Маладняка» выдержали проверку временем, но уже сегодня совершенно очевидно, что путь молодой белорусской литературы к искусству во многом был путём «Маладняка».

Літаратура

1. Дубоўка У. Вершы. Мн. : Беларусь, 1970. 192с.
2. Трус Паўлюк. Вершы. Мн. : Беларусь, 1967. 144 с.
3. Пушча Язэп. Вершы і паэмы. Мн. : Беларусь, 1960. 176 с.

4. Кляшторны Тодар. Вершы. Мн. : Беларусь, 1970. 152 с.
5. Хлебников В.Н. Творения: сборник научных статей. М. : Советский писатель, 1986. 627 с.
6. Миронова Л.Н. Цветоведение. Мн. : Вышэйшая школа, 1984. 289 с.
7. Моркаўка Аркадзь. Вершы. Мн. : Мастацкая літаратура, 1973. 112 с.
8. Лойка А.А. Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд. У 2 ч. Ч. 2. Мінск : Выш. шк., 1989. 480 с.
9. Чарот Міхась. Вершы. Мн. : Беларусь, 1967. 148с.

Ермакова Е.Н.

кандидат філологічных наук,
доцент кафедры беларускага языка
Гомельскі гасударственный университет
імя Франціска Скарыны

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Несмотря на все невзгоды,
преклонный возраст и величие
души заставляют меня сказать,
что все хорошо.
Эдип

***Анотація.** У статті розглядається мовна реалізація концепції долі в поетичних текстах Р. Бородуліна. Уявлення про долю лежить в основі національної та індивідуальної свідомості, є одним із найважливіших елементів національної картини світу. Це ключовий і універсальний концепт, що передає специфіку способу життя і мислення людей. У статті звернено увагу на геіштальт концепту доля як образи змісту концепту.*

***Ключові слова:** мовна картина світу, когнітивна система, доля, концепт, геіштальт.*

***Ermakova H. National Picture of the World in the Poetic Text.** The article considers the linguistic realization of the concept of destiny in the poetic texts of R. Baradulin. The concept of destiny is at the core of national and individual consciousness, is one of the most important elements of the national picture of the world. It is a key and universal concept that conveys the specifics of the way of*